

МОТИВ БЛУДНОГО СЫНА В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ М.М. ПРИШВИНА

Лили Дин

*Чжэцзянский институт иностранных языков, Ханчжоу, Китай;
lili.ding@yandex.com*

Аннотация: Статья посвящена исследованию трансформации сюжета евангельской притчи о блудном сыне в поэтическом мире М.М. Пришвина и выявляет ее ключевую роль как нарративной и смыслообразующей модели. Анализ фокусируется на произведениях «Кашеева цепь», «Осударева дорога» и «Повесть нашего времени». Утверждается, что Пришвин, вопреки упрощенному восприятию его как исключительно «природного» писателя, глубоко укоренен в христианской традиции. Притча о блудном сыне, содержащая универсальные понятия: уход из дома, искушение духа, покаяние и возвращение в дом, — становится для Пришвина мощным инструментом осмысления социального и экзистенциального опыта.

В «Кашеевой цепи» выявляются два типа «возвращения»: возвращение народницы лишено покаяния, окрашено сожалением, но имеет социальное значение; возвращение второго типа — путь автобиографического героя Алпатова. Его странствие плоти и духа рассматривается как состояние «блудного сына». Ключевым оказывается не столько его возвращение в Елец (дом на уровне географического пространства), сколько духовное обретение «дома» как универсального символа его жизни. В романе «Осударева дорога» притча интерпретируется через призму личного и общего спасения. Возвращение миллионера Волкова заключается в преодолении убеждения в «вечности в рублях» и обретении духовного спасения через служение общему благу и спасение других. В «Повести нашего времени» мотив блудного сына окончательно возвращается в религиозный контекст, воплощая идеал христианской любви и прощения. Таким образом, Пришвин адаптирует архетипическую сюжетную схему «блудного сына», наполняя ее актуальным социальным, экзистенциальным и религиозно-нравственным содержанием, подчеркивая универсальный смысл поиска «дома» в контексте русской духовной истории XX века.

Ключевые слова: М.М. Пришвин; евангельская притча о блудном сыне; христианская традиция; «Кашеева цепь»; «Осударева дорога»; «Повесть нашего времени»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-14

THE MOTIF OF THE PRODIGAL SON IN THE POETIC UNIVERSE OF M.M. PRISHVIN

Lili Din

Zhejiang International Studies University, Hangzhou, CHN; lili.ding@yandex.com

Abstract: This article investigates the transformation of the plot of the Gospel parable of the Prodigal Son within the poetic world of M.M. Prishvin, revealing its key role as a narrative and meaning-forming model. The analysis focuses on the writer's works *Kashchei's Chain*, *Osudareva Doroga*, and *A Tale of Our Time*. It argues that Prishvin, contrary to the simplified perception of him as exclusively a “nature” writer, is deeply rooted in the Christian tradition, organically synthesizing reality and Christian symbols. The parable of the Prodigal Son, containing universal concepts — departure from home, spiritual temptation, repentance, and return to the home — becomes for Prishvin a powerful tool for interpreting social and existential experience. In *Kashchei's Chain*, two types of “return” are identified. The return of the narodnitsa lacks repentance, is tinged with regret, yet holds social significance. The second type of return is the path of the autobiographical hero, Alpatov. His journey of flesh and spirit is interpreted as a state of being the “prodigal son”. The key meaning lies not so much in his return to Yelets (home at the level of geographical space), but in the spiritual attainment of “home” as a universal symbol of his life. In the novel *Osudareva Doroga* this parable is interpreted through the prism of personal and collective salvation. The return of the millionaire Volkov consists of overcoming his belief in “eternity measured in rubles” and attaining spiritual salvation through service to the common good and the salvation of others. In *A Tale of Our Time*, the motif of the prodigal son fully returns to a religious context, embodying the ideal of Christian love and forgiveness. Thus, Prishvin masterfully adapts the archetypal plot structure of the “prodigal son”, infusing it with relevant social, existential, and religious-ethical dimensions, emphasizing the universal significance of the search for “home” within the context of 20th-century Russian spiritual history.

Keywords: M.M. Prishvin; Gospel parable; Prodigal Son; Christian tradition; *Kashchei's Chain*; *Osudareva Doroga*; *A Tale of Our Time*

For citation: Lili Din (2026). The Motif of the Prodigal Son in the Poetic Universe of M.M. Prishvin. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 177–186.

Христианские мотивы, их комбинации переходят на уровень архетипов, т. е. наделяются свойством вездесущности, приобретают характер устойчивых психических схем, бессознательно воспроизводимых и обретающих содержание в художественном творчестве [Лейбин 1991: 28]. Пришвин, «человек христианской природы» [Вар-

ламов 2003: 490], вопреки упрощенному восприятию его как исключительно «природного» писателя, глубоко укоренен в христианской традиции: «пантеистическое мировоззрение позволяло художнику органично применять в своих произведениях как языческие и мифологические, так христианские и сектантско-еретические символы и образы, которые будут активно использоваться им на протяжении всего творческого пути» [Подоксенов 2008: 95].

Притча о блудном сыне (Лк. 15:11–32) занимает важное место в системе христианских ценностей, включая ключевые религиозные концепты: уход из дома, блуждание плоти и духа, искушение, покаяние и возвращение. Для христианского сознания архетип блудного сына изначален и определяющ [Чернов 1994: 152].

Неслучайно в поэтическом мире Пришвина отчетливо прослеживается сюжетная модель «возвращения блудного сына». Художественное мышление писателя органично связано с концептом «ДОМ». «Дом для него — универсальный символ жизни» [Гришина, Полтавцева 2009: 487], ключевое пространство жизнетворчества; более того, «смысл жизненного пути для Пришвина был всегда связан с идеей дома» [Гришина, Полтавцева 2009: 487]. В свете этого Пришвин на протяжении всей жизни — как в биографическом, так и в творческом измерении — ищет Вечный Дом и чувство дома. Очевидно, что понятие «дома» в художественной системе писателя не сводится к семейному очагу в узком смысле, но представляет собой его глубокую символическую интерпретацию.

В автобиографическом романе «Кашеева цепь» мотив возвращения проявляется в различных формах. Хотя судьба народницы Евдокии Николаевны (Донечки) не является центральной сюжетной линией и не получает развернутого изображения, фрагментарные упоминания, рассыпанные по основному повествованию, позволяют реконструировать путь ее возвращения.

Будучи двоюродной сестрой Пришвина и старше его на пятнадцать лет, Евдокия Николаевна трактуется писателем в романе как «тетка» эмпирического «я». Для автобиографического героя Донечка выступает первым наставником в сфере общественных идеалов. Ее история излагается в первой части романа устами Кулымушки: мы узнаём, что она работает учительницей в школе «на легальном положении». Акцент на «легальном положении» указывает, что ее прежний статус был «нелегальным». Побуждаемая чувствами милосердия и справедливости, она ранее последовала за братьями в Москву, чтобы примкнуть к народническому движению, ставившему целью просвещение народа и достижение социальной справедливости. Этот поступок знаменует собой первый этап («уход из дома») сюжетной модели «возвращения блудного сына». Впо-

следствии организация была разгромлена: братья были арестованы, а другие товарищи вынуждены покинуть страну. На этом этапе Дунечка переживает кратковременную дезориентацию в жизни, что, однако, не означало утраты веры или избранного пути. По своей сути героиня оставалась романтиком, идеалистом. Как отмечает А. Варламов, она — тургеневская девушка [Варламов 2003: 12]. Испытательный этап оказался не столь трагичным, как могло бы быть, и в итоге героиня предпочла вернуться в деревню, чтобы продолжить дело служения народу.

На средства от своего приданого Дуня основала школу, выпускники которой становились священниками, агрономами, учителями, полицейскими и т. д., но не революционерами. Вернувшись в деревню, героиня сохраняла свои просветительские идеалы и отстаивала права крестьян. Мать автобиографического героя отмечала, что Дунечка на мужиках сосредоточилась; ей безлошадные, двухлошадные больше значат, чем Пушкин и Лермонтов [Пришвин, т. 2, 1982: 21]. Десятилетия преподавания в деревне можно рассматривать как этап возвращения. Однако, в отличие от исконно христианской парадигмы «возвращения блудного сына», «возвращение» Дуни лишено покаянного характера и сопряжено скорее с чувством сожаления. Траектория жизни Дуни — от отъезда из Москвы до возвращения в Елец — невольно вызывает ассоциации с метафорой «блудного сына», но утрачивает религиозную ценность, обретая социальное значение.

Возвращение художника как сюжетная доминанта романа интерпретируется в значительной степени как путь становления личности автобиографического героя. Детская попытка Алпатова вместе с товарищами отыскать страну Золотых гор представляет собой первый шаг, уподобляемый уходу блудного сына из отчего дома. Последовавшие за этим обучение в Тюмени, революционная деятельность, поиски любви в Лейпциге и Париже, а также стремление построить карьеру в Петербурге в географическом плане неизменно удаляли его от исходной точки жизненного пути, родного городка Хрущева. Скитания на чужбине можно рассматривать как отражение экзистенциального состояния персонажа, покинувшего дом в отчаянии. Пространственное блуждание здесь имеет глубоко символическое значение, воплощая духовные искания, метания и трудности в самоопределении. Говоря об ошибочных решениях и заблуждениях Алпатова на пути поиска веры (идеала), писатель заключает: «Нет, блудные дети не виноваты в измене родному гнезду, нет измены, а в перемене чувства нельзя винить никого: не от своей же воли переменяются снега весны света на разливы, и когда воды спадут, сами собой зеленеют луга, и потом начинается весна

человека» [Пришвин, т. 2, 1982: 203]. Здесь выражена авторская надежда на то, что Алпатов обретет свою «весну» — духовное обновление и гармонию.

Алпатову удается вернуться к своим истокам, обрести устойчивое чувство принадлежности и сформировать свою идентичность. Примечательно, что финальное возвращение осуществляется в единстве духовного и географического пространств. Возвращаясь в Елец, герой осознаёт свой художественный талант и избирает поэтическое поприще как путь к обретению радости и счастья. Географически «странствующий сын» возвращается в дом; тогда же он обретает чувство принадлежности к духовному миру, возносясь в высшую сферу призвания художника. Эту мысль ярко выражают слова в дневнике Пришвина: «Остановись на минуту, присядь записать свои мысли, свое чувство, и этот стул или пень, куда ты присел, — уже есть твой дом... ведь каждого из нас судьба ведет в конце концов в свой дом, вот когда бегущий остановился, оглянулся — в этот момент он стал поэтом, и судьба повела его в свой дом» [Пришвин 2009: 9]. Следовательно, для Пришвина духовное измерение принадлежности зачастую преодолевает пространственно-временные рамки и не обязательно сопряжено с физическим возвращением домой в осязаемом географическом пространстве.

Сюжет «возвращения блудного сына» в «Осударевой дороге» реализуется преимущественно в пространстве индивидуального и коллективного. При этом наиболее непосредственное взаимодействие прослеживается между евангельским сюжетом и духовными исканиями идеализированного персонажа Волкова. Уже при первом появлении Волкова акцентируется его внешность. Писатель, сочетая серьезность и иронию, отмечает, что в его лице соединились черты купца Минина и великого князя Пожарского [Пришвин, т. 6, 1983: 64]. Уникальный облик Волкова предвещает его судьбу. Отец Волкова был сапожником, который делал детскую обувь. Когда Волков был маленьким, он учился шить обувь при переменном свете соевых ламп. Однако, познакомившись с Библией, он, по примеру блудного сына, «вздумал уйти из дома, оторваться от близких и начать потом неузнанным среди них новую жизнь» [Пришвин, т. 6, 1983: 87]. Эта попытка бегства в Москву окончилась неудачей, и пришлось продолжить работу «невольником» отца — шить детскую обувь. Позже, благодаря деловой хватке, Волков сколотил состояние в три миллиона рублей, придя к убеждению, что «в рублях есть вечность». Таким образом, детское бегство Волкова предстает как безрассудный поступок, и здесь можно видеть отсылку к притче о блудном сыне. Для Волкова подлинное испытание и искушение кроется в его вере «в рубли». Осознание пагубности этого искушения

становится причиной его духовного возвращения и стремления к искуплению грехов.

Испытывая духовную опустошенность, герой «низвергается» в адское пространство — конюшню, место сбора низших слоев общества для строительства канала. Для его индивидуальной судьбы это, несомненно, деградация: миллионер вынужден обитать в конюшне. Однако облик героя, сочетающий черты национальных героев Минина и Пожарского, предсказывает, что он будет избран. Примечательно, что избирает героя не Отец, а Уланова, выполняющая функции Отца. Она ищет «объединяющее» лицо, способное призвать людей на стройку.

Эти два аспекта — деградация экзистенциального пространства и избранная миссия — отсылают к религиозной метафоре «возвращения блудного сына». Волков, безусловно, предстает блудным сыном в духовном измерении, а пространство конюшни символизирует «его крест, его искупление прошлого» [Логвиненко 2012: 27]. На нем лежит ответственность и за спасение других. Он спасает Зуйку от гибели в пучине жадности и искушения властью. Под его влиянием Вася, бывший вор, обрел уверенность в возможности стать хорошим человеком и участвовать в великом общем деле. Таким образом, конюшня для Волкова символизирует как нравственное падение, так и отправную точку духовного прозрения. Когда-то он был потерян в «рублевой вечности» и блуждал во тьме в поисках личного счастья, но затем обрел свою подлинную ценность в лозунге общего дела «вперед».

Вася оказывается единственным, кто гибнет в руководимой Волковым взрывной операции. Его жертва была неизбежна, что подтверждает трактовку Пришвиным смысла смерти: «Смерть — это налог на живого человека в пользу будущей жизни» [Пришвин, т. 8, 1986: 362]. Для Васи, бывшего вора, пребывающего в «низком» пространстве, смерть обретает значение восхождения души. Само место его захоронения — под сосной в высоких горах — несет метафорический смысл вознесения на небо. Это демонстрирует связь между коммунистической этикой и христианством: тип высшей степени социальной организации, к которой стремится писатель, представляет собой идеальную коммуны [Logvinenko 2015: 202–208].

Писатель использует религиозную метафору «возвращения блудного сына» для изображения духовного пути Волкова. Метафора проецируется и на «возвращение» воровского сообщества в конюшню. Мы полагаем, что для Волкова и воров возвращение предстает как жизненная необходимость. Эта позиция находит выражение в ключевом лозунге Волкова: «Хулиганчики, хулиганчики, сколько в вас душевности» [Пришвин, т. 6, 1983: 107]. Это в определенном

смысле можно считать их воскрешением в духовном плане — как для Волкова, так и для других участников строительства канала.

Мотив «возвращения блудного сына», который Пришвин развивает в «Повести нашего времени», окончательно возвращается в религиозный контекст, воплощая в себе идеал христианской любви. Варламов отмечает, что «Повесть нашего времени» «и есть та книга, которой Пришвин мог бы оправдаться перед Богом» [Варламов 2003: 442].

Траектория судеб главных героев романа позволяет глубже понять, как писатель воспринимал основные тенденции развития общественного бытия и сознания своей эпохи. В повествовательном пространстве романа альтернативность жизненных путей Ивана и Алеши — представителей молодого поколения — отражает сомнения и ожидания как повествователя, так и самого писателя относительно будущего России: по пути революции или религии. «Этим мотивом в структуре сюжета определяется конфликтность поколений в ситуации жизненного выбора пути» [Радь 2013: 599]. В исходном контексте притчи о блудном сыне «уход» сына — это прежде всего отказ от пути, избранного отцом, и конфликт между отцовским авторитетом и сыновним своеволием. Отзвук этого конфликта можно обнаружить в противостоянии Алеши и Гаврилы Алексеевича.

С юности Алеша испытывал непроизвольное, а порой и намеренное стремление оспаривать авторитет старшего поколения, в особенности «иконописного» Гаврилы Алексеевича, исполнявшего обязанности церковного старосты. В романе запечатлено два конфликта между ними. Один из них — спор о вечности, в котором дерзкий Алеша заявляет, что ни в чем вечности нет. Гаврила Алексеевич в гневе возражает: «Как ни в чем, а Бог?» [Пришвин, т. 5, 1983: 157]. Гнев старца был вынужденно утихомирен появлением в саду девушек-переписчиц. Не унимаясь, Алеша вновь перешел в наступление: в графе «вероисповедание» анкеты он указал — «неверующий». После сдачи анкет на лице Алеши выступили слезы, тогда как Гаврила выглядел радостным. Лишь после смерти Гаврилы Алеша раскрыл повествователю правду произошедшего в тот день. Оказалось, что старик на коленях умолял непокорного юношу «не губить свою душу» [Пришвин, т. 5, 1983: 157], после чего Алеша и вычеркнул слово «неверующий» из анкеты.

Однако борьба Алеши за собственное верование не ограничилась этим вычеркиванием и не завершилась со смертью Гаврилы. Напротив, она обострилась в противостоянии с сыном Гаврилы — Ваней. Каждый из них унаследовал сущностные черты своего отца. Когда подрос Ваня, «то мальчик стал рядом с отцом возле ящика, и было

очень похоже, будто рядом с большим, старым дубом поднялся тоненький, молодой» [Пришвин, т. 5, 1983: 151]. Алеша же с детства испытывал неприязнь к благопристойной церковной деятельности. Будучи, подобно своему отцу, либералом по духу, молодой Алеша в конечном итоге стал страстным революционером и атеистом.

С началом Великой Отечественной войны Алеша и Ваня, придерживающиеся совершенно различных убеждений, отправляются на фронт. Безусловно, сам по себе уход на войну не является буквальным воспроизведением мотива блудного сына; соответственно, роман не аккумулирует все религиозные коннотации, присущие сюжетной модели притчи о блудном сыне. Однако представляется, что смысловой центр произведения сосредоточен именно на обретении героями утраченной веры, что реализует ключевую фазу притчи — возвращение.

Выжившему Ване довелось вернуться домой. Он «подошел к церкви, <...> стал на колени и начал кланяться, как иногда нищие, чтобы привлечь внимание милосердных людей. Но никогда не мог бы нищий так долго и так горячо молиться с целью привлечь себе милостыню» [Пришвин, т. 5, 1983: 195]. Когда он раздал милостыню и люди с недоумением спросили, почему герой не оставил немного себе, он ответил: «Самому ничего не нужно: я ведь домой пришел» [Пришвин, т. 5, 1983: 195]. Отстаивая традиционную нравственность, Ваня в конце концов решил броситься в объятия религии, независимо от жизненных перипетий. Это стало естественным завершением его духовного пути. Обряд покаяния и молитвы в церкви символизировал духовное возвращение «домой», к основам веры.

По сравнению с жизненным путем Вани жизненная траектория Алеши демонстрирует очевидную духовную изломанность. Вернувшись домой, он сразу же сталкивается с первым ударом: повторным замужеством своей возлюбленной Милочки, что причиняет ему душевные муки. Руководствуясь прежним принципом «не забыть, не простить», он даже взял у повествователя «Страшную месть» Гоголя, однако потом отказался от мести. Роман завершается новым уходом Алеши из дома. О том, является ли этот «уход» духовной утратой или обретением нового верования, можно судить по словам повествователя: «Бог найдет тебя и поможет тебе, бедному, снять с себя это мученье твое» [Пришвин, т. 5, 1983: 214].

Отказ от возмездия означает, что прежние убеждения Алеши утрачивают силу. Ему нельзя не признать, что именно христианский идеал милосердия принес спасение, и потому он приходит к искреннему решению простить и забыть. Испытывая экзистенциальную растерянность, убежденный атеист решил спасти себя и других путем обращения к традиционному учению. Это также есть форма

возвращения — возвращения к духовным истокам. Выбор Алеши в известной мере отражает мировоззренческую позицию самого писателя, который записал в дневнике 1944 года: «Смысл нашего времени состоит в поисках нравственного оправдания радости жизни, а не в возмездии» [Пришвин 2013: 115]. И это в той или иной степени «восстанавливает гармонию отношений человека с окружающим миром» [Радь 2013: 602].

Пришвин творчески переносит сюжетную парадигму евангельской притчи на структуру собственного поэтического мира. Путем намеренного сюжетного повтора писатель акцентирует социальную, нравственную и религиозную значимость внутренней эволюции персонажей. Тем самым личные судьбы героев обретают вневременное звучание, а сама нарративная модель выступает как универсальный ключ к осмыслению творчества Пришвина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Варламов А.Н.* Пришвин. М., 2003.
2. *Есаулов И.А.* Пасхальность русской словесности. М., 2004.
3. *Лейбин В.М.* Архетип // Современная западная философия: Словарь. М., 1991.
4. *Логвиненко С.В.* Пространство «души-сознания» в романе М.М. Пришвина «Осударева дорога» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. № 36. С. 25–30.
5. *Подкошенов А.М.* Философско-мировоззренческий дискурс и культурный контекст творчества М.М. Пришвина. Дис. ... докт. филол. наук. Белгород, 2008.
6. *Пришвин М.М.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2, 5, 6, 8. М., 1982, 1983, 1983, 1986.
7. *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. СПб., 2009.
8. *Пришвин М.М.* Дневники. 1944–1945. М., 2013.
9. *Радь Э.А.* Притча о блудном сыне: христианский канонический метасюжет и литературное творчество // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. С. 598–604.
10. *Чернов А.В.* Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1994. Вып. 3. С. 151–158.
11. *Шатин Ю.В.* Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы («Блудный сын» и другие). Новосибирск, 1996.
12. *Logvinenko S.* “Christian Socialism”: The Fate of Russia in M.M. Prishvin’s Novel “Osudareva Doroga” (“Tsar’s Road”) // Mediterranean Journal of Social Sciences. MCSER Publishing, Rome-Italy. 2015, Vol. 6. No. 4, pp. 202–208.

REFERENCES

1. Varlamov A.N. Prishvin. [Prishvin]. Moscow: Molodaia Gvardiia, 2003. (In Russ.)
2. Esaulov I.A. Paskhal'nost' russkoi slovesnosti [The Easterliness of Russian Literature]. Moscow: Krug, 2004. (In Russ.)
3. Lejbin V.M. Arkhetip. Sovremennaia zapadnaia filosofiia: Slovar' [Archetype. Modern Western Philosophy: Dictionary], comp. by Malahov V., Filatov V. Moscow: Politicheskaja literatura, 1991. (In Russ.)

4. Logvinenko S.V. Prostranstvo «dushi-soznaniia» v romane M.M. Prishvina «Osudareva doroga» [The Space of “Soul-consciousness” in M.M. Prishvin’s Novel *Osudareva Doroga*]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2012, № 36, p. 25–30. (In Russ.)
5. Podoksenov A.M. Filosofsko-mirovozzrencheskii diskurs i kul’turnyi kontekst tvorchestva M.M. Prishvina [The Philosophical Worldview and Cultural Context in M.M. Prishvin’s Creative Works]. Dis. ... dokt. filol. nauk. Belgorod, 2008. (In Russ.)
6. Prishvin M.M. Sobr. soch.: V 8 vols. Vol. 2, 5, 6, 8. [Mikhail Prishvin. Collected Works: In 8 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982, 1983, 1983, 1986. (In Russ.)
7. Prishvin M.M. Dnevnik. 1923–1925 [Journals. 1923–1925]. St. Petersburg: Rostok, 2009. (In Russ.)
8. Prishvin M.M. Dnevnik. 1944–1945 [Journals. 1944–1945]. Moscow: *Novyi khronograf*, 2013. (In Russ.)
9. Rad’ Ye.A. Pritcha o bludnom syne: khristianskii kanonicheskii metasiuzhet i literaturnoe tvorchestvo [The Parable of the Prodigal Son: Christian Canonical Meta-Plot and Literary Creativity]. Fundamentalnie issledovaniia. 2013, № 11, P. 598–604. (In Russ.)
10. Chernov A.V. Arkhetip «bludnogo syna» v russkoi literature XIX veka [The Archetype of the “Prodigal Son” in Russian Literature of the 19th Century]. Problemy istoricheskoi poetiki. Petrozavodsk, 1994. Vyp. 3, p. 151–158. (In Russ.)
11. Shatin Ju.V. Arkhetipicheskie motivy i ikh transformatsiia v novoi russkoi literature [Archetypal Motives and Their Transformation in Contemporary Russian Literature]. «Vechnye» siuzhety russkoi literatury («Bludnyi syn» i drugie). sb. nauch. trudov. Novosibirsk: *Federal’noe gosudarstvennoe biudzhethnoe uchrezhdenie nauki Institut filologii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 1996. (In Russ.)
12. Logvinenko S. “Christian Socialism”: The Fate of Russia in M.M Prishvin’s Novel “*Osudareva Doroga*” (“Tsar’s Road”). *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Rome-Italy. 2015, Vol. 6. No. 4, pp. 202–208.

Поступила в редакцию 29.09.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 21.03.2026

Received 29.09.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 21.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Lili Din — к.ф.н., преподавательница института западноевропейских языков и культур Чжэцзянского института иностранных языков; lili.ding@yandex.com

ABOUT THE AUTHOR

Lili Din — PhD (Philology), Teaching Fellow, School of European Languages and Cultures, Zhejiang International Studies University; lili.ding@yandex.com